У Эфрейна Белакора было много странностей, которые, казалось, противоречили его репутации. У него было пристрастие к кошкам, особенно к тому, что они всегда чувствовали себя более комфортно рядом с искусством сердца и нежитью, чем почти любое другое животное. Была еще его любовь к музыке - несмотря на их дурную славу и вопреки слухам, в его залах редко бывала тишина. Во-вторых, магическое поле, которое удерживало его скелет, казалось, не распространялось на челюстную кость, которую он в данный момент закрывал.

- Но тебе не кажется, что это может быть немного… Ну не знаю, показуха? Для большинства людей? - Спросил он своего слугу.

- Эстетика богатства предлагает диссонанс, но не такой большой разрыв, который нельзя преодолеть. Это дает определенную основу, которую смертные могут использовать, чтобы оправдать остальную часть вашей жизни…. представление. Она клокотала в нем.

- Так что я должен предложить ”более низкую степен" недоверия, чтобы сделать остальную часть действия правдоподобной, - сказал Эфрейн, поворачивая булавку, которую он вбил себе в череп, затягивая провода. Он думал, что это довольно глупо, учитывая, сколько времени он потратил на то, чтобы заставить свою челюсть двигаться, когда он говорил. Однако теперь, когда дело дошло до этого, он понял, что ему совсем не хватает щелканья, которое подчеркивало его слова.

- Совершенно верно, милорд. - Сказал Плеско, неестественно вытянув руки, чтобы убедиться, что его челюсть не двигается.

- Смертные-такие странные существа. - Сухо заметил Эфрейн, прекрасно сознавая свое прежнее положение.

- Действительно. А теперь, может быть, мне принести приготовленную одежду?

- Да. Сделай это, - сказал Эфрейн, заставляя тварь бежать прочь по холодному мрамору.

Он оглядел себя в зеркальной стене - сутулый скелет, потрескавшийся и исцарапанный. Повелитель нежити? Ха! Больше похоже на высохший мешок старых костей. Однако это не остановило искателей приключений.

Какая ирония - ведь он не особенно любил убивать. Он действительно убивал людей, особенно незваных гостей, но они в основном ворвались в его дом, расчленили нескольких его слуг, а затем громко вызвали его на дуэль до смерти. Он был уверен, что большая часть этого была технически законной в той или иной юрисдикции, не то, чтобы он когда-либо получил справедливую встряску в суде.

Он как раз размышлял, можно ли расширить юридическое определение понятия личность на нежить, когда Плеско вернулся со своим новым нарядом. Эфрейн провел пальцами по ткани, черной, как грех, и сверкающей, как будто в нее были вплетены звезды. Отделка была скудной, но богато украшенной, блестящее золото, которое растянулось по краям изделий.

В одной руке Плеско держал маску. Это был тот же полуночный оттенок, что и остальная одежда, фарфор был усеян слабыми прожилками красного и синего. Его глазные отверстия были окаймлены поцарапанным золотом, которое тянулось вниз по щекам и скручивалось в слезы. Губы были поджаты, круглые и полные, и все они были сделаны в одном и том же ауруме.

Он взял маску в руки, наклонил ее, а затем медленно опустил на лицо, когда она вошла в

череп. В его зубах послышалось слабое жужжание, когда он соприкоснулся с пульсирующей внутри магией. Искусственность никогда не была его особой чашкой чая, но у него были столетия практики, и теперь он чувствовал настоящую гордость за свою работу, когда смотрел вниз, как Плеско.

- Это вполне может сработать, - сказал он Плеско.

- Так будет лучше, - раздался голос из открытой двери.

В комнату вошел горный кот с шерстью цвета оникса и земли и глазами цвета янтаря. Он свернулся калачиком перед Эфрейном и Плеско, внимательно слушая их разговор.

- В конце концов, ты тратишь столько времени и ресурсов. Было бы очень жаль, если бы все это пропало даром, - сказало существо.

- Ах, Инни, а я-то думал, что ты скоро к нам присоединишься, - сказал Эфрейн.

- Я и не собиралась, но мне просто нужно было посмотреть, что за костюм ты приготовила. Кроме того, зови меня полным именем, - сказала она, раздраженно подергивая хвостом.

- Прекрасно, прекрасно, Инниалисия. Как я выгляжу? - Спросил Эфрейн, указывая на свою маску.

Янтарные глаза Инниалисии оглядели скелет с головы до ног, Прежде чем бесстрастно лизнуть лапу.

- Незавершенным. А еще как будто тебе есть что доказывать.

Эфрейн помолчал, размышляя, было ли это заявление оскорблением или нет. Кошки были любопытной породой, но склонялись к откровенной презрительной воинственности, а не к завуалированной пассивной агрессии. С другой стороны, это была Инниалисия, которая также имела тенденцию поджигать тех, кто не соглашался с ней. В любом случае, правильный ответ должен был быть раздражающе уравновешенным.

- Спасибо, - сказал он, надевая различные печатки и ленты, которые создавали иллюзию плоти под тканью.

Седые волоски на кончике хвоста дернулись раз, другой, третий - его притворная тупость, должно быть, задела за живое.

- Итак, ты сказал, что нуждаетесь во мне. Что-то насчет "играть роль"? - Спросила она.

- Да, действительно, вот в чем дело.

Эфрейн продолжал объяснять, чего именно он от нее ждет и в чем заключается его план.

- И ты ожидаешь, что они просто будут там? - спросила Инниалисия с явным сомнением в голосе.

- Он достаточно большой, в середине зимы, довольно долгая история, общая территория.

- Но ты же не можешь всерьез ожидать, что они будут появляться каждый день. Так каков же твой план, если мы имеем несчастье прийти в неподходящий день?

- Нам придется подождать. Между ними не может быть больше пары, особенно в разгар зимы.

- Мы... подождем? - спросила кошка, подергивая хвостом, когда она повернула голову, чтобы посмотреть на мягкий снег, который падал снаружи.

- Да, - ответил Эфрейн, ничего не понимая.

Остаток вечера ушел на то, чтобы уговорить ее пойти с ним. Общая сумма доходила до нескольких экзотических ядер памяти в его хранилищах. Удовлетворенная тем, что у нее было достаточно времени для сна, она свернулась калачиком в своей нише, в то время как истории, содержащиеся в ней, проникали в нее.

Эфрейн некоторое время смотрел, как поднимается и опускается ее шкура. Свечение начало рассеиваться, когда ее фигура начала мерцать и смещаться, слабое впечатление пламени начало танцевать по камню и бархату. Довольно небрежная форма, позволяющая ее истинному облику впечатляться через ее хозяина, но это было все. Эфрейну не нравилась опаленная одежда, поэтому он удалился, чтобы заняться другими делами.

К тому времени, как наступило утро, Эфрейн уже проверил запасы провизии, проверил финансы замка и приготовил для них лошадь. Он наблюдал в маленькой нише за тем, как мать-огонек стелила свою постель. Золотой свет зари начал просачиваться на камни, когда ее янтарные глаза впервые открылись, сияние вокруг ее тела отступило, когда ее мех задрожал.

- Я пропустила что-нибудь важное? - спросила она, зевая в теплом воздухе.

- Только твои вассалы, шныряющие вокруг твоей почтенной дыры в стене. Скажи мне, я никогда не понимал этого - они собираются вокруг тебя ради тепла, твоего сердца или просто потому, что ты больше их? - спросил Эфраин.

Инниалисия фыркнула, когда воздух вокруг них остыл.

- Вряд ли они мои "вассалы". Я не нуждаюсь в суде. Если они решат почтительно топать в моем присутствии, то, я полагаю, они просто узнают величие, когда увидят его.

- Мне бы не хотелось, чтобы подобные замечания касались моей персоны. Особенно от существа, чье побочное занятие можно описать как "одержимость запахом".

Она держала его там. Эфрейн вскинул руки в притворном раздражении.

- Ладно, ты победил. Ты готова к отъезду? Лошадь ждала меня все утро. - Сказал он.

- Я буду через минуту” - Сказала она, начав облизывать себя языком.

- Ты же не серьезно, - заметил Эфрейн, - ты не можешь сделать это по дороге?

- Я могла бы. Но я предпочла бы спать на таком холоде.

- Ты блуждающая мать, огонь, запечатленный в материнской памяти. Ты не чувствуешь холода. - Указал он.

- Верно, - сказала она, переходя на лапу, но не сводя с него янтарных глаз, - но ты почти не чувствуешь боли. Несмотря на это, ты все равно будешь очень раздражен, если я подпалю тебе ребра, не так ли?”

Эфрейн получил сообщение.

- Приходи и найди меня, когда будешь готова. Я буду ждать во дворе.

Она снова принялась за уборку, когда он вышел в узкий коридор, чуть не споткнувшись о несколько кошек, терпеливо ожидавших на окраине. Завернув за угол, он оглянулся и увидел, что они собрались вокруг Инни, словно она была каким-то идолом, перед которым они должны были пасть ниц.

Ну, или они, или черви, подумал он, следуя за поворотом к лестнице.

***

Эфрейн подождал, пока конь вскинет голову, стряхивая с нее хлопья, скопившиеся в гриве. Эта штука была подарком от Карнеса, скваттерской версией существа, с которым он ушел. У него была голова, очень похожая на лошадиную, но у него было шесть конечностей, каждая из которых содержала дополнительный сустав и значительно больше мышц. У него не было копыт, а вместо них были многозначные конечности, которые лежали на снегу внизу. Шкура была густо-серая с коричневыми пятнами, длинная и мягкая, как пух.

Пришла Инниалисия, с самодовольным видом пробираясь сквозь и без того густой снег. Уже не в первый раз Эфрейн задумался, сколько в этом воздухе было матери-огонька, а сколько-кошки. Она окинула взглядом одну из конечностей твари, принюхалась и запрыгнула ей на спину.

- Договорились? - спросил Эфраин.

- Вполне, - ответила кошка, - за вычетом обжигающего холода. Надеюсь, ты захватила с собой пару одеял.

Острый взгляд, который она бросила на него, говорил о том, что она просто педантична, но Эфрейн не хотел рисковать, производя на лошадь плохое первое впечатление.

-Вот, - сказал он, доставая из седельной сумки толстое шерстяное одеяло.

- Ты вспомнил! Ах да, а мои шелковые подушки? - Сказала она, явно выражая свое восхищение.

Эфрейн был уже на полпути к седлу, но остановился, чтобы взглянуть на нее. Кошка уставилась на него, янтарные глаза слабо светились в растущем свете двора. Мгновение молчания прошло между ними, почти незаметное перетягивание каната между двумя древними умами.

- Ладно, - сказала Инни, “Я пошутила.”

http://tl.rulate.ru/book/35048/1115680